

**МЕФДИИ
БУСЛАЕВ**

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Маг полуночи

Свиток желаний

Третий всадник мрака

Билет на Лысую Гору

Мечь валькирий

Тайная магия Депресняка

Лед и пламя Тартара

Первый эйдос

Светлые крылья для темного стража

Лестница в Эдем

Карта Хаоса

Ожерелье дриады

Стеклянный страж

Танец меча

Огненные врата

Книга семи дорог

Ладья света

Ошибка грифона

Самый лучший враг

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ

КАРТА ХАОСА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Серийное оформление *Владимира Безкровного*

Иллюстрация на обложке *Евы Елфимовой*

Емец, Дмитрий Александрович.

Е60 Карта Хаоса: роман / Дмитрий Емец. — Москва : Эксмо, 2018. — 400 с. — (Мефодий Буслаев. Легендарное детское фэнтези).

ISBN 978-5-699-97376-7

Лигул умеет мстить за неудачи — бывший наставник Мефодия Буслаева Арей отстранен от управления русским отделом Мрака и находится в бегах. Чтобы уцелеть, он должен найти Карту Хаоса, похищенную из канцелярии Тартара. Тогда Лигулу не просто будет его уничтожить. Но собственное благополучие не слишком волнует Арея: он узнал, что его давно погибшую дочь вернули в мир живых. И все свои силы мечник отдает поискам этой девушки... А между тем за Картой Хаоса идет настоящая охота, ведь этот изменчивый артефакт отчаянно нужен светлым. От него зависят жизни отряда златокрылых — и генерального стража Троила.

УДК 821.161.1-312.9-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97376-7

© Емец Д., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

Чтобы эффективно сражаться с Тартаром, неплохо понять его логику и тактику. Предположим, что я Мрак и что существует громадный, опасный для меня алмаз-артефакт, который я не могу уничтожить, так как он вечен, прекрасен, ослепителен и я не могу даже прикоснуться к нему. Он сильнее меня. Он жжет. Самим фактом своего существования он причиняет мне дикую боль.

Если я не могу его уничтожить или сдвинуть с места, я буду пытаться его спрятать от людей. Как можно его спрятать?

1. Сотворить сотни других, подобных истинному, но из стекла, и разбросать вокруг. Сделать эти «алмазы» ярче и привлекательнее истинного. Человек будет хватать фальшивку, пораженный блеском ее граней. Понимать рано или поздно, что это стекло, разбивать и хватать

Дмитрий Емец

следующую фальшивку, которая вновь окажется стеклом. Рано или поздно человек разочаруется во всех алмазах и отвернется даже от истинного.

2. Издали закидать алмаз грязью или птичьим пометом лжи.

3. Вообще попытаться сделать алмаз непопулярным камнем. Упорно и систематично утверждать, что самый дорогой камень, допустим, кварц. Вводить моду на кварц, изготавливать из него украшения и т.д. Одновременно в книгах, рекламе, анекдотах, на телевидении не слишком назойливо, но часто повторять, что нет ничего пошлее, глупее, ненужнее и смешнее алмазов. В кинофильмах делать алмаз непременным атрибутом болтливых и глупых теток и, напротив, все молодое, сильное, достойное подражания связывать с образом кварца.

4. Внедрять сугубо прагматический подход. Повторять, что алмаз-де нужен исключительно для резки стекла. Внушать человеку желание (я-то прикоснуться не могу) расколоть алмаз и использовать его составные части в быту. Как сверла, стеклорезы и т.д.

Если проводить эту линию достаточно последовательно, через несколько десятилетий можно добиться того, что люди вообще перестанут искать алмаз и окажутся в полной власти Мрака.

«Лисьи фокусы», т. XXXI

Глава 1

УКУС ХМЫРЯ

— До чего же надоели эти сложненькие и несчастненькие! Тумана напустят, сидят и квакают! Простого хочу, нормального, честного, чтобы детей любил! — сказала княжна Мэри, со щелчком вставляя в «АКМ» новый магазин. Печорин побледнел.

*Предположительно
не М. Лермонтов*

Снег местами еще лежал, сбившись в грязные глыбы, а жирная от влаги земля уже робко проклевывалась свежей травой. Наглые одуванчики высунули желтые головы и точно разведчики цепко и зорко оглядывали местность, соображая, в какую сторону запускать, когда придет время, свой белый десант. Молодой московский апрель уже вступил в права наследства и теперь решительно ос-

Дмитрий Емец

вобождался от ненужного ему барахла, оставшегося от скончавшегося дяди-марта, — глубоких луж и островков грязного льда.

За окном, квелый и кашляющий, точно гриппующий поэт, бродил болезненный московский пейзаж и стучался в стекло: где — ранней мухой, где — смешанным с дождем ветром, где — тонкой березовой веткой.

Неизвестно откуда появились первые шмели. Тяжелые и слабые, в воздух они поднимались с трудом и перемещались короткими перелетами. Многие и взлететь не могли. Сидели на влажной земле, шевелили крыльями и робко грелись в лучах холодного солнца.

Ирка сидела в «Приюте валькирий» и подбрасывала дрова в печку-буржуйку. В трубе буржуйки угадывалась обычная водосточная, которую Багров приволок невесть откуда. Делая изгиб, она выглядывала в форточку, прикрытая от поддувания жестяной нашлепкой.

Из дальнего угла буржуйки выползал вонючий дымок, так как дрова были сыроваты. Из своего закутка появился Антигон с большой жестяной кружкой. Быстро взглянул на Ирку и передал кружку Багрову.

— Я просил чай девяносто два градуса, а тут восемьдесят девять! Никакой заботы о болящем! — сказал Матвей, кашляя.

Антигон что-то пробурчал и принялся вырывать кружку, однако Багров не отдал.

— Нет уж! Буду пить ледяной! А тебя пусть совесть мучает, — сказал Матвей и, отхлебнув, принялся пальцами снимать что-то с языка. — Что это за валуны? Они корябают мое нежное горло!

Бакенбарды Антигона задрожали от негодования:

— Это семена малины!

— Хочешь сказать, что чай еще и с малиной? Нет, Антигон, ты точно отравитель! Но так и быть: если я умру, я тебя прощаю!

Матвей лежал на кровати, укрытый колючим красным одеялом. Если приглядеться, на одеяле можно было обнаружить смазанный штамп «гор-больница психиатрическое отделение», откуда оно, собственно, и пропало. Одеяло было подарено Ирке на Новый год любившей такие шуточки Бэтлой, но как-то очень скоро перешло к Багрову.

В «Приют валькирий» Матвей перебрался еще осенью, сразу от Эссиорха и Корнелия. Ирка не пустила его в холодный лодочный сарай. Зимой Багров пришел было в себя, но в марте загрипповала Ирка, а теперь вот и он.

— Вначале напустили дыма, потом дали холодный чай с кирпичами. Интересно, что будет завтра? Наденут на ноги сплошные дырки и скажут, что это шерстяные носки? — продолжал ворчать Багров.

— Ты ужасно противный больной! Я, когда грипповала, была в сто раз терпеливее! — заявила Ирка.

Багров недоверчиво хмыкнул:

Дмитрий Емец

— А кто просил два часа дуть себе на лоб, якобы потому, что он горячий? Где ты вычитала такой способ борьбы с температурой?

Ирка смутилась.

— В какой-то книге, — быстро сказала она.

Багров склонил голову набок:

— Не верю!

— Почему?

— Нет такой книги. Полные выходные данные, пожалуйста! Автор, название, издательство, год издания?

— А не плюнуть в тебя жеваной морковкой? — брякнула Ирка.

— Фи! Какие странные фантазии! А еще одеяло мне передарила! — сказал Багров и, забыв про якобы раздиравшие ему горло семена малины, стал с удовольствием пить чай.

Лишь минутой спустя он опомнился и укорил Антигона, что чай уже семидесяти градусов. Того и гляди покроется льдом.

— Не ворчи! — поморщилась Ирка.

— Ты же первая всегда ворчишь! — сказал Багров.

— Ну и что? Я женщина, мне можно. И вообще, если я как следует не поворчу, как ты догадаешься, что ты кругом виноват?

Ирка была счастлива. А когда некоторые люди счастливы, они теряют ощущение реальности. Состояние легкого несчастья для создания рабочего настроения куда полезнее.

Багров перевернул пустую кружку, поставил ее себе на лицо, закрыв рот и нос, и принялся в нее сто-

нать. Звук получался кошмарный. Матвей был очень доволен.

— И где я только нашла этого дурака! — пробормотала под нос Ирка. Всмотрелась в Багрова и задумчиво добавила: — А действительно, где мы с тобой познакомились?

— Не помню, — простонал в кружку Матвей.

Ирка недоверчиво сдвинула брови:

— Не помнишь?

— Я запомнил лишь твои глаза в этот миг, — сказал Багров по-прежнему в кружку, и непонятно было, говорит он правду или лукавит.

«Я помню лишь твои глаза в этот миг»! Как же, как же! Самый удачный способ отвечать девушке, почему ты забыл дату первой встречи и всякого такого прочего», — подумала Ирка и на этом остановилась.

Конец мысли, ее жуткий блестящий хвост, она предпочла оставить в темной и пыльной норе. Валькирия не может быть счастлива в любви, в той эгоистичной ее части, которая только для себя, — или перестанет быть валькирией. Что уж тут непонятного? Копье валькирии — копье правды и возмездия — не может стоять в кладовке, пока его хозяйка будет праздновать трехнедельный юбилей сорванной вместе ромашки.

Дрова в буржуйке наконец высохли и разгорелись. Тянуть гарью перестало. Ирка представила, как выглядит их домик снаружи. Подвешенный между деревьями вагончик, подняться в который мож-

Дмитрий Емец

но только по веревке, с торчащей из окна дымящейся трубой.

Минувшая зима выдалась спокойной, без крупных стычек с Мраком. Копье слушалось нормально, хотя всякий раз, вызывая его, Ирка испытывала тревогу. Все-таки совесть ее была не совсем чиста.

Прочие валькирии навещали ее не часто. Несколько раз заглядывала Бэтла, притаскивающая каждый раз по рюкзаку еды. Вспомнив, что Бэтла — валькирия сонного копья, Ирка решила с ней посоветоваться. Незадолго до того ей дважды приснился навязчивый сон, будто она свалилась с лодки в озеро и, чтобы не утонуть самой, выпустила из рук сразу опустившиеся на дно шлем и копье. Потом, выбившись из сил, она спит где-то на песке, а множество мелких паучков ползали по ней и обматывали липкой паутиной.

— Снам не верь! Дохлое занятие! — сказала Бэтла, с хрустом откусывая яблоко.

— А разве Свет не посылает снов? — спросила Ирка.

— Чудовищно редко. Чаше это делают другие, — ответила Бэтла. Учтывая, что рот у нее был набит, слово «другие» вышло как «жругие».

— А если сны сбываются?

— Тем более если сбываются. Представь, ты хочешь, чтобы некий человек упал в яму. Вначале ты подкладываешь ему под ноги хорошие доски, а когда он утратит бдительность и станет наступать куда попало, доверяя тебе, подложишь гнилую.

Гелата заглядывала раза три. Как всегда, она куда-то мчалась, спеша за день побывать в десяти местах, и у Ирки сидела совсем недолго. Едва успевала пожаловаться на своего оруженосца, в очередной раз что-то учудившего, и рассказать одну-две новости, касающиеся остальных валькирий. Ирка давно уже усвоила, что среди воительниц Света Гелата являлась своеобразной нитью, соединявшей бусины отдельных судеб в единое целое.

— Будут приставать, что два пажа для валькирии-одиночки слишком жирно, ты скажи, что Багров — паж Антигона, — посоветовала как-то Гелата, взорвавшись на Матвея.

— Как это?

— А так. Историю учила? Вассал моего вассала — не мой вассал. Вот и паж моего пажа не мой паж! Чуть что — сразу учебник истории под нос!

— Все-таки не говори никому, — забеспокоилась Ирка.

— Конечно, не скажу! — пообещала Гелата. — Что я, трепло? С этими оруженосцами вечно все через пень-колоду! Вообрази: мой-то широкомордый стал примерять мои темные очки и — хруп! — выгнул дужки в стороны! Сколько они стоят, он представляет? Ну скажи сразу, нельзя было сообразить, что его ряха не пролезает?

— Гыг!

Лицо ее оруженосца, который при этом разговоре торчал здесь же рядом, расплылось от удовольствия и стало шире почтового ящика. Вздумай кто-то сей-

Дмитрий Емец

час надеть на него очки, любая оправка не просто погнулась бы, но и разлетелась на куски.

— А ну не улыбайся! Ты! У тебя нет чувства юмора! — напомнила Гелата.

— И хорошо, что нет! — успокоил ее, а заодно и оруженосца, Багров.

— Что тут хорошего?

— Если бы чувство юмора было у всех, мир превратился бы в сплошную клоунаду.

Видимо, Гелата все-таки не удержала язык на предназначенном ему аэродроме за зубами, потому что уже на следующий день к Ирке явилась Таамаг, суровая, как царица амазонок. После Питера она относилась к одиночке значительно лучше, что, однако, не распространялось на Багрова.

Поймав его за свитер, она подтянула Матвея к себе и, сопя ему в брови (Таамаг была на полголовы выше), предупредила:

— Заруби себе на носу, некромаг! Если из-за тебя с ней случится какая-нибудь беда, я сверну тебе шею!

— Если с ней случится какая-нибудь беда, я сам сверну себе шею, — пообещал Матвей.

Таамаг отпустила его свитер, ухмыльнулась и щелчком пальцев сбила с плеча Багрова соринку.

— На том и сговорились! Только учти: слов назад не берем! — сказала она.

Сегодняшний обед состоял из двух банок кильки в томате, которые вдобавок пришлось открывать Ирке. Багров и Антигон хорошо готовили по отдельности, но, проживая вместе, изредка устраивали друг

другу демонстрации, что приводило к невеселым результатам. Две хозяйки на одной кухне — это верный обед в столовой.

Пообедав, Матвей встал, довольно потянулся, и... тут это произошло. Внезапно Багров судорожно вдохнул воздух, схватился за горло и, сделавшись фиолетовым, завалился вперед. Скорчившись, он лежал на полу, подтянув к груди колени. Спина его содрогалась.

— Дышать... не... могу, — выкашлял он с усилием.

Ирка перевернула его на бок. Матвей был уже не фиолетовым, а сизым. Это было жуткое зрелище. Багровеющий багровый Багров багровело багровел багрянцем.

— Что с тобой?! — крикнула Ирка.

— Ды... шшшш... а-а...

Перевернувшись на спину, Матвей судорожно дернулся, выгнулся и застыл. Глаза его остеклели.

Ирка растерялась. Метнулась в один конец комнаты, в другой. Как поступить и как помочь ему, она не знала. Опыт человеческий, а не опыт валькирий, подсказывал ей, что в таких случаях делают искусственное дыхание.

Ирка опустила на колени, рывком, чтобы лучше видеть, где сердце, разорвала на Багрове майку. Прильнула к груди ухом. Сердце не билось. Медлить было нельзя.

Раз за разом Ирка основанием ладоней давила Матвею на грудную клетку и вдыхала в него воз-

